

В.И. СУПРУН
(Волгоград)

ЗАВОЛЖСКАЯ ГРУППА РУССКИХ ГОВОРОВ: ФОНЕТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Рассматриваются фонетические особенности заволжского говора, отмеченного в селах Красный Яр, Черebaево и Белокаменка Старополтавского района Волгоградской области. В нем обнаружены аканье, яканье, вытесняющееся иканьем, стяжение гласных, взрывной [ɣ], чередующийся с [к], и другие явления вокализма и консонантизма.

Ключевые слова: *русская диалектология, заволжский говор, вокализм, консонантизм, аканье, яканье, иканье, стяжение гласных.*

Диалектологические исследования в Волгоградской области начались в 1938 г., когда кафедру русского языка возглавлял М.В. Беляев [15, с. 189], однако сбор диалектного материала и изучение говоров, распространенных на территории региона, отмечались уже в XIX – начале XX в. В 1854 г. под редакцией И.И. Срезневского были изданы «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», в которых были проанализированы записанные на Дону диалектизмы [4; 7; 12; 32]. В.И. Даль опубликовал в вышедшей в 1852 г. V книжке «Вестника Императорского русского географического общества» статью «О наречиях русского языка», в которую включил раздел «Донское наречие», в корпус вышедшего в 1863–1866 гг. словаря вошли единицы с пометой *дон*. [5, с. 35, 500, 520 и др.]. Описанию особенностей говора донских казаков посвятили свои работы В.Ф. Соловьёв (1900) и Е.П. Савельев (1908). Начало изучению казачьего музыкального фольклора, содержащего в большом количестве диалектную лексику и отражающего фонетические и грамматические особенности диалекта, положено А. Савельевым [39], Е.П. Савельевым [37], однако подлинное научное изучение этого культурного феномена было осуществлено А.М. Листопадовым [18; 19], которому в песенных экспедициях помогал С.Я. Арефин [1]. Впоследствии сборники песен донских казаков и публикации о них выходили как в зарубежье [8; 40], так и в Сталинграде [30–31].

Научная донская диалектология связана с именем А.В. Миртова, который начал собирать материал еще в годы Гражданской войны [23], опубликовал брошюру о говорах Дона [22] и издал сохранивший свою актуальность и значимость донской диалектный словарь [21]. Его традиции были продолжены и преумножены Л.М. Орловым [24–29] (его биографию см.: [16]). В его книге о русских говорах Волгоградской области проанализированы не только донские, но и волжские говоры, распределенные на 7 групп, каждая из которых обладает яркими языковыми характеристиками [27, с. 91–93].

Среди этих групп отсутствуют говоры Заволжья, которые упоминаются ученым в рукописи «Говоры Волгоградской области, их диалектная основа и современное состояние» [25], ставшей приложением к докторской диссертации [24], однако к последним исследователь относит только так называемые смешанные николаевские и палассовские говоры Заволжья [25, с. 298–301]. На картах отмечено под номером 118 село Красный Яр Старополтавского района, но в какую-либо группу оно не включено [6].

Между тем в Старополтавском районе имеются и другие населенные пункты, в которых проживает коренное русское население, имеющее общие диалектные черты, отличающие его от других русских говоров региона, что позволяет объединить их говор в особую заволжскую группу. В нее входят диалекты жителей сел Красный Яр, Черebaево и Белокаменка. Диалектологическая экспедиция 2012 г. в эти поселения позволила определить языковые особенности данной диалектной группы.

Историческим центром этого диалектного объединения является село Красный Яр, оно расположено около Волгоградского водохранилища в 76 км к северо-западу от райцентра Старой Полтавки. Село отмечается на карте 1895 г. [13]. В 1930-е гг. здесь были колхозы «Коммунист» и «Красноармеец». Сейчас в селе живет 900 чел. Имеются школа, больница, магазины, пекарня. ТОО «Победа», основанное как колхоз в 1954 г., имеет 10,4 тыс. га земли. На площади в 3 тыс. га в Красноярском лесничест-

ве растет сосна на песках. Около водохранилища запрещены охота и применение ядохимикатов, т.к. там звери и птицы выводят детенышей. Село названо по яру Красному, который был на берегу Волги (ныне затоплен водохранилищем), получившему свое наименование по красоте природы в этом месте. Для отличия от крупного одноименного украинского (малороссийского) села (ныне входит в Жирновский район) к названию заволжского села нередко добавляли прилагательное *русский*.

Старинным поселением является Черebaево. Оно расположено в 89 км к северо-западу от Старой Полтавки. Встречается под названием *Черebaва* на карте 1895 г. [13]. Здесь перед войной были колхозы имени Кирова, Будённого и «25 лет Октября». Краеведы обнаружили упоминание топонима еще в 1654 г.: «В 7162 [1654] году поведал мне в обители Преподобного Сергия человек по имени Ермола Азанчеев <...> следующее. В недавние годы он вместе со старцем Боголепом был послан от нас вниз по реке Волге на монастырскую рыбную ловлю и случилось так, что старец послал его из города Тетюши на монастырский рыбный промысел более чем за 600 верст, в стан, называемый Черebaево, у конца Золотых гор; и отправил с ним на промысел денег пятьдесят рублей. Ермола, увидев проезжавших мимо стрельцов и иноземцев, сел на струг, доехал до рыбного стана и деньги довез». Постоянного поселения здесь, очевидно, в это время еще не было, ср.: *стан* ‘место временного расположения, лагерь’ [9, т. III, с. 398]. По документам 1794 г., здесь было более 1 тыс. дворов, существовала Михайло-Архангельская церковь. После постройки Волжской ГЭС в 1957 г. Черebaево переселили на новое место. Количество жителей села резко сократилось, осталось всего 300 дворов. В 1989 г. в 2 км на северо-запад от села было открыто Белокаменное нефтегазовое месторождение. Сейчас в Черebaево живет 680 чел. Имеются школа, магазины, пекарня. Колхоз им. В.И. Чапаева, основанный в 1951 г., имеет 8,5 тыс. га земли. Рядом расположены искусственные лесные насаждения на Кустарёвских песках. В Черebaевском охотничьем хозяйстве имеется зона покоя, где подрастают детеныши зверей и птиц. Топоним не имеет устоявшейся этимологии.

Белокаменка расположена на берегу Волгоградского водохранилища в 7 км к северо-западу от Иловатки, в состав сельского поселения которого входит. Ныне здесь живет 400 чел. Имеются школа, медпункт, магазин. Название указывает на то, что на территории села и/или рядом с ним была почва с камнями белого цвета.

Говор трех сел отличается отчетливо проявляемым единообразием, которое обнаруживается на всех языковых уровнях. Рассмотрим особенности диалектной системы заволжской группы волгоградских говоров. На фонетическом уровне обнаруживаются следующие признаки. В системе вокализма отмечается полное аканье. «Аканьем в узком смысле этого слова называют неразличение гласных фонем [о] и [а] в безударных слогах» [33, с. 100; 36, с. 61]: [апара], [гамат], [кампот], [запароть], [вада], [вадой], [драблёнка], [акатицца], [гаварил], [карапет], [бадейка] (здесь и далее ударный звук выделен полужирным шрифтом).

В заволжском говоре имеется яканье, оно является ассимилятивно-диссимилятивным [17, с. 50–51]: [бьяда], [зьямля], [бияржок], [святкрофь], [вясной], [вадой], [чяво], [чяснок], [жалудак], [пяку], [пратярёш], [кипятиш], [нямые]. Вместе с тем диалект имеет и иканье. «Иканье – тип безударного вокализма, при котором все гласные фонемы, кроме <у> совпадают в 1-м предударном слоге после мягких согласных в звуке [и]» [35, с. 48]. Видимо, под влиянием литературного языка происходит постепенное вытеснение яканья иканьем: «<...> На юг иканье проникает из Москвы» [17, с. 45]: [зирнушки], [густира], [ризак], [милистин], [биссмертник], [вирха], [с вирхоф]. Л.М. Орлов отмечал в Красном Яру только иканье [6, карта 2].

Яркой чертой вокализма заволжских говоров является стяжение гласных. Оно проявляется в глагольных и адъективных формах, как и в северном наречии русского языка [10, с. 74]: [сделаш], [смагаш], [вытягават], [аставляям], [сумеш], [сваво]; [руска], [бела], [жырна], [висення], [визальны], [сялёдачны], [царски].

В процессе подготовки к экспедиции были проработаны документы, относящиеся к заволжским селам, которые хранятся в Государственном архиве Волгоградской области. В делах периода коллективиза-

ции и «ликвидации кулачества как класса» (конец 20 – начало 30-х гг. XX в.), когда составлялись в большом количестве протоколы собраний о создании колхозов, которые отличались записью свободной народной речи, в органы власти подавались заявления и докладные жителей сел, фиксировались акты записи изъятого имущества у выселяемых явных и мнимых кулаков и т.п., отмечается немалое количество диалектных единиц и форм. Эти документы чаще всего оформлялись местными жителями, закончившими в лучшем случае начальную школу, не часто ранее прибегавшими к письму как способу фиксации речи, что и стало причиной проникновения диалектизмов в письменную речь (см. подробнее: [43]).

Конечно, в силу специфики текстов мы не сможем обнаружить в них всей системы реализации языковых характеристик говора: в записях практически отсутствуют глаголы, личные местоимения, наречия, слабо представлены прилагательные, союзы, предлоги, существительные обычно встречаются в форме именительного падежа. Значительное влияние на записывающего оказывает гиперкоррекция: в стремлении записать текст «по-культурному» носитель говора с невысоким уровнем образования постоянно отмечает *о*, *я* и *е* в безударной позиции как в орфографически правильных местах, так и на месте [а] и [и] литературного языка. Следовательно, можно говорить о письменных гиперизмах, когда ошибочное написание косвенно отражает наличие аканья, яканья и иканья в говоре. Все это затрудняет анализ архивного диалектного материала, не позволяет полностью представить его фонетическую и грамматическую системы. Однако некоторые особенности говора можно восстановить по косвенным данным, выявляя фонетико-фонологическую и морфологическую системы по отмеченным чертам, экстраполируя данные гиперкоррекции на определение той или иной диалектной черты. В ходе полевой работы уточнялись полученные в архивных документах данные. Учитывая тот факт, что между архивными записями и диалектологической экспедицией прошло не менее 80 лет, можно определить процессы развития диалекта, увидеть изменения, происшедшие в нем.

Большая часть отмеченных выше явлений вокализма находит подтверждение в документах архива: *кортовь*, *тобаретка*, *стоканьев* (ГАВО. Ф. 1362. Оп. 3. Д. 1. Л. 95, 197). Однако в них обнаруживается и один неясный фонетический процесс, который не отмечен в диалектной системе русского языка и пока не нашел подтверждения во время экспедиции; речь идет о переходе [и] в [е] в безударной позиции в абсолютном начале слова: *Ерина* < *Ирина*, *Егольников* < *Игольников*, *Еловатка* < *Иловатка* (ГАВО. Ф. 731. Оп. 1. Д. 1е. Л. 35 и др.). Регулярность фиксации этих форм не позволяет безоговорочно считать их гиперизмами, но отсутствие подобного чередования в других говорах русского языка и его необнаружение пока в современном состоянии заволжского говора не предоставляют возможности для выделения этого чередования как специфической черты диалектного вокализма.

В говоре достаточно регулярно представлены явления, определяемые диалектологами как «редукция безударного гласного до нуля и вставочные гласные» [33, с. 112]. Эти явления представлены и в архивных документах: *две сковроды*, *платенца*, *навлочка*; *муки пошаничной*, *муки рожаной* (ГАВО. Ф. 1362. Оп. 3. Д. 1. Л. 72, 196, 197, 266). Синкопа, т.е. полное выпадение редуцированного гласного, происходит в соседстве с сонорными согласными [6, с. 69]: [виртяно], [пяркручиваш]. Вставной гласный в словах *горон*, *молонья*, *полость* является результатом второго полногласия [11, с. 217].

В системе консонантизма заволжский говор близок литературному языку. В нем встречается взрывной [г], чередующийся в слабой позиции с [к]: [глиняны], [ноги], [год], [пагребница], [куга], [гарлянка]; [пирок], [биз нок], [ня мок], [ни збярёк]. В родительном падеже мужского рода прилагательных и местоимений [г] переходит в [в]: [каво], [чаво], [сваво], [яво], [тёплава]. Отметим, что в расположенном ряде селе Иловатка функционирует фрикативный [γ], что не позволило его говор включить в состав заволжской группы, хотя по другим фонетическим (а в еще большей степени по морфологическим и лексико-семантическим) явлениям он не слишком отличается от диалекта, функционирующего в трех отмеченных селах. Из других явлений консонантизма отметим выпадение в словах [баушка], [бакаушка] [б] и [в] в интервокальной позиции.

Во время диалектологической экспедиции регулярно фиксировалась в заволжском говоре слово *царай*, которое было обнаружено и в архивных документах (ГАВО. Ф. 1362. Оп. 3. Д. 1. Л. 277, 287). Отсутст-

вие в говоре деаффрикации [ц] > [с] и других гиперизмов с чередованием [с] > [ц] дают основания предположить, что эта лексема пришла в Заволжье уже в готовом виде из других говоров. Слово *царай* отмечено в донских казачьих говорах [41, с. 639], где также есть регулярная деаффрикация [ч] > [ш'] в чирских говорах [14, с. 11], употребляются лексикализованные единицы *свет, светастый, светной, светок, светочек* с чередованием [ц] > [с] [41, с. 533–534]. Под лексикализацией понимается «превращение одной из форм слова (реже служебной морфемы или словосочетания) в самостоятельную лексему (нередко с новым лексическим значением и новыми грамматическими свойствами)» [9, т. I, с. 1118] (ср.: [2, с. 215; 20, с. 176]). Отсутствие непосредственных контактов между донскими и заволжскими говорами не позволяет уверенно говорить о прямом заимствовании, возможно, слово проникло через другие волжские говоры.

В диалектах часто лексикализируются формы слов, не являющиеся результатом регулярных фонетических чередований. Лексикализованным является отмеченное в Заволжье слово *клев* с переходом [х] > [к]. Данное фонетическое явление представлено широко на территории обоих наречий русского языка, но ни в одном из говоров нет полного вытеснения [х] > [к] [35, с. 56–57]. Это слово отмечено в Красном Яру на диалектологических картах [6, карты 106 – 107]. Лексема *клев* встречается в донских говорах [41, с. 246], а также во многих других русских говорах [35, с. 56]. Лексикологизованной формой, вероятно, можно считать [чигун], в котором в первом предупредительном слоге произошла замена [у] > [и] в результате дистантной диссимилиации гласных.

Изолированными фактами являются также формы слов, отражающие чередование [а] > [о]: [карга] – [корги], [сажать] – [содим]. Л.М. Орлов отмечает в Красном Яру форму *плотим* [6, карта 6]. В слове [перышки] отсутствует переход [е] > [ё], хотя в других словах в говоре этот переход регулярно представлен: [пуплёнак], [драблёнка], [стёклы], [апёнки], [с нём], [сялёдачны], [трёх]. Возможно, данное слово также пришло в этом виде из соседних говоров.

В целом заволжская группа обладает яркими фонетическими чертами, в таком сочетании больше не повторяющимися ни в одном из волжских говоров Волгоградской области, поэтому выделение этой группы является оправданным и необходимым. На следующем этапе необходимо обратиться к грамматическим и лексико-семантическим фактам языка, в которых отражается «языковая картина мира носителей диалекта» [3, с. 15]. В ходе экспедиции 2012 г. был собран убедительный материал, подтверждающий специфическое место заволжской группы в диалектной системе региона, однако для определения особенностей морфологической и синтаксической систем и лексикона говора необходимы дополнительные выезды в поселения Заволжья и анализ архивных материалов.

Литература

1. Арефин С.Я. Среди песенников-казаков // Вестн. Европы. 1912. № 10. С. 196–220.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966.
3. Брысица Е.В. Методологические аспекты изучения диалектной фраземики на современном этапе развития науки // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л.М. Орлова / под общ. ред. Е.В. Брысиной. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 15–22.
4. Григорьев В. Областные великорусские слова восточного происхождения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики / ред. И.И. Срезневский. I–III. Спб.: Тип. ИАН, 1854. Стлб. 14–22, 68–70.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 6-е изд. М.: ГИИНС, 1955. Т. I–IV.
6. Диалектологический атлас русских народных говоров Волгоградской области / сост. Л.М. Орлов. Волгоград: ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1969.
7. Дубровский П.П. Областные великорусские слова, сходные с польскими // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики / ред. И.И. Срезневский. I–III. Спб.: Тип. ИАН, 1854. Стлб. 50–65.
8. Елисеев В.П. Казачьи свадебные песни // Родимый край (Париж). 1929. № 7. С. 25–30.
9. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: Астрель; АСТ, 2006. Т. I–III.
10. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
11. Иванов В.В. Полногласие // Русский язык: энцикл. / глав. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энцикл., 1979.
12. Казембек А.К. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики / ред. И.И. Срезневский. I–III. Спб.: Тип. ИАН, 1854. Стлб. 22–36.

13. Карта Самарской губернии, составленная чинами Генерального штаба, в коей означены всех разрядов учебные заведения по сведениям 1895 года. Спб. : Картограф. завед. А. Ильина, б. г.
14. Кудряшова Р.И. Введение // Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011. С. 10–12.
15. Кудряшова Р.И. Волгоградската диалектоложка школа // Лингвистична Русия: Научни школи на Волгоград. София, Мисъл, 2010. С. 189–199.
16. Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И. Леонид Михайлович Орлов – ученый, учитель, патриот (1912–2001) // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии : материалы Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л.М. Орлова / под общ. ред. Е.В. Брысиной. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 7–14.
17. Кузнецов П.С. Русская диалектология : учебник для учителей ин-тов. 2-е изд. М. : Учпедгиз, 1951.
18. Листопадов А.М. Донские исторические песни. Ростов н/Д. : Рост. обл. книгоизд-во, 1946.
19. Листопадов А.М. Донская казачья песня: Песенная экспедиция 1902–1903 гг. С приложением 14 песен в народной гармонизации и карты Донской области. М. : Тип. К.М. Меньшова, 1905.
20. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д. : Феникс, 2010.
21. Миртов А.В. Донской словарь: материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929.
22. Миртов А.В. Казачьи говоры. 2-е изд., перераб. Ростов н/Д. : Севкавказкнига, 1926.
23. Миртов А. Святки на казачьих хуторах // Донская волна. 1919. № 4. С. 13–16.
24. Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.
25. Орлов Л.М. Говоры Волгоградской области, их диалектная основа и современное состояние: лингвогеографический очерк с приложением диалектологического атласа. Т. II. Рукопись. Волгоград, 1969.
26. Орлов Л.М. Исследование говора Ново-Анненского района Сталинградской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
27. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области : учеб. пособие. Волгоград : Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984.
28. Орлов Л.М. О формах словообразования в говоре Новоанненского района Сталинградской области // Ученые записки Сталингр. гос. пед. ин-та им. А.С. Серафимовича. Сталинград, 1955. Вып. 6. С. 189–210.
29. Орлов Л.М. Из наблюдений над ударением в новоанненском говоре // Ученые записки Сталингр. гос. пед. ин-та им. А.С. Серафимовича. Сталинград, 1955. Вып. 6. С. 211–222.
30. Песни донского казачества / сост. И. Кравченко. 2-е изд. Сталинград : Книгоизд-во, 1937.
31. Песни донского казачества / сост. И. Кравченко; под ред. А.В. Швера. Сталинград : Кн. изд-во, 1936.
32. Петров П.П. Список некоторых великорусских слов, сродных и сходных с восточными // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики / ред. И.И. Срезневский. I–III. Спб.: Тип. ИАН, 1854. Стлб. 81–92.
33. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. М. : Выс. шк., 1972.
34. Русская диалектология / под ред. П.С. Кузнецова. М. : Просвещение, 1973.
35. Русская диалектология. 2-е изд., перераб. / под ред. Л.Л. Касаткина. М. : Просвещение, 1989.
36. Русская диалектология. 2-е изд., стер. / под ред. В.В. Колесова. М. : Высш. шк., 1998.
37. Савельев Е.П. Казак : сб. песен и стихотворений о боевой жизни казаков. Новочеркасск : Обл. Войска Дон. тип., 1905.
38. Савельев Е.П. Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск : Обл. Войска Дон. тип., 1908.
39. Сборник донских народных песен / сост. А. Савельев; изд. Донского стат. ком-та. Спб. : Тип. И. Бергель, 1866.
40. Сборник казачьих песен / сост. И. Колесов. Прага, 1930.
41. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград : Издатель, 2011.
42. Соловьев В.Ф. Особенности говора донских казаков. Спб. : Тип. Импер. акад. наук, 1900.
43. Супрун В.И. Архивные документы как источник диалектной информации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Спецвыпуск к 90-летию со дня рождения проф. В.С. Ильина. 2012. №4(68). С. 108–112.

Zavolzhsky group of the Russian dialects: phonetic level

There are considered the phonetic peculiarities of the Zavolzhsky dialect noted in villages Krasny Yar, Cherebaevo and Belokamenka of the Staropoltavsky district of the Volgograd region. There is found out the “a” sound, “ya” sound replaced by the “i” sound, contraction of vowels, plosive “g” alternated with “k”, and other phenomena of vocalism and consonantism.

Key words: *Russian dialectology, Zavolzhsky dialect, vocalism, consonantism, “a” sound, “ya” sound, “i” sound, contraction of vowels.*